

7. Кочеврин Ю. Крупная корпорация как объект исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 11.
8. Олейник А. Институциональная экономика // Вопр. экономики. 1999. №№ 1-2; №№ 4-12.
9. Цыцырева А. Ю. Современные фирмы в развитой рыночной экономике: виды, формы, основные показатели деятельности // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. Экономика. 1992. № 3.
10. Шерер Р. Структура отраслевых рынков: Пер. с англ. М., 1997.

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Телевич Н.М., БГУ

Бедность и неравенство относятся к вечным общечеловеческим проблемам, в современных условиях даже к глобальным, которые каждое общество решает по-своему, в зависимости от имеющихся возможностей и приоритетов. Со времен введения всеобщего избирательного права эта тема является обязательной составляющей предвыборной платформы любого политического лидера. Однако зачастую оппозиция, придя к власти, старается поскорее забыть о дававшихся обещаниях, так как теперь уже ей самой приходится решать реальные задачи, для чего явно недостаточно одной риторики и пафоса осуждения бедности. Многие известные деятели времен перестройки сколотили политический капитал на борьбе с привилегиями, который им затем благополучно удалось перевести в капитал экономический. Можно только удивляться наивности избирателей, которые вновь и вновь, наступая на те же грабли, отдают голоса тем политикам, которые обещают им молочные реки и кисельные берега. Очевидно, даже реалистически оценивающие ситуацию политические лидеры в своих предвыборных обещаниях стремятся удовлетворить потребность граждан, предпочитающих сладкую ложь суровой правде жизни.

Существовавшее во все эпохи неравенство на уровне субъективного восприятия обычно сводится к бедности, которая является самым очевидным его проявлением. Понятно, что и сама категория "бедность" имеет исторический характер, к тому же не в малой мере зависит от субъективных оценок. Оптимист считает себя богатым, имея весьма незначительный материальный достаток, тогда как пессимист с миллионным состоянием может вполне представлять себе нищим. Естественно, промышленные рабочие Англии начала XIX в. В самом прекрасном сне не могли увидеть условий жизни своих отдаленных потомков. Относительный характер понятия "бедность" отчетливо проявляется и в том, что сельскохозяйственному рабочему во многих африканских или азиатских странах или даже белорусскому доценту или инженеру доходы людей, живущих за чертой бедности в США,

представляются пределом мечтаний. Является ли справедливым существующее неравенство? Всякое ли неравенство следует считать несправедливым? Каковы его причины? По каким критериям определяется бедность? Следует ли стремиться к сокращению имущественного неравенства? – вот далеко не полный перечень вопросов, которые вновь и вновь оказываются на повестке дня.

В этой связи представляется целесообразным рассмотрение взглядов некоторых мыслителей прошлого, поскольку уже в их произведениях очерчены многие болевые точки современных проблем распределения.

Идея всеобщего равенства имеет свои корни в раннем христианстве. Само возникновение христианской религии в определенной мере стало реакцией на несовершенство рабовладельческого общества, а идея равенства всех людей перед богом заняла в ней центральное место. Уже в эпоху средневековья распространились представления о равенстве людей с точки зрения морали, а в XIV – XVIII вв. с формированием гражданского общества утвердились принципы политического равенства граждан. В то же время возникшая в этот период классическая политэкономия рассматривала имущественное неравенство как данность. В соответствии с принципами экономического либерализма каждый человек добивается улучшения своего положения собственными усилиями. Свободная конкуренция является идеальным экономическим порядком, обеспечивающим реализацию этой цели.

Однако уже на рубеже XVIII – XIX вв. обнаружился ряд явлений, заставивших многих ученых оспаривать принципы экономического либерализма. Одно из них – углубление имущественного неравенства, явное расхождение между ростом общественного богатства и положением широких трудящихся масс. Величайшая нищета народа, связанная с демографическими процессами, изнурительными войнами и особенно с переменами промышленного переворота, поставили под вопрос справедливость существующего порядка распределения общественного богатства. Основываясь на теории исторического прогресса, изложенной французским философом Ж.А. Кондорсе, некоторые авторы, в частности, англичанин У. Годвин в своем очерке "О политической справедливости", именно в несправедливом распределении видели основную причину бедности широких слоев населения. Богатства хватило бы на всех, если бы оно распределялось равномерно. Необходимо путем реформ заменить плохие законы хорошими – и все заживут прекрасно.

Ответом этим авторам явилась нашедшая книгу Т.Р. Мальтуса "Опыт о законе народонаселения". В ней выдвинуто положение о том, что численность населения увеличивается в геометрической прогрессии, а жизненные средства могут расти только в арифметической прогрессии. Если последовать рекомендациям У. Годвина и разделить все национальное богатство равномерно, бедность на момент действительно

исчезнет. Однако вскоре, поскольку достаток снимет все преграды для размножения, произойдет стремительный рост населения, далеко превосходящий возможности его прокормить. Большинство нации не только опять окажется в бедности, но возникнет такой голод, подобного которому еще не было. В марксистской литературе за Мальтусом прочно и совершенно незаслуженно закрепились репутация аморального человеконенавистника. Очевидно, критики либо вообще не читали его книги, либо читали ее первую редакцию, где некоторые положения высказаны более резко. Между тем Мальтус проповедовал достаточно банальную истину, всего лишь призывал людей "исполнять свой долг – не производить на свет детей до тех пор, пока не имеешь средств для их прокормления и воспитания" [1].

Мальтуса глубоко тревожили мысли о беспросветной нужде бедняков, он пытался проанализировать ее причины и найти пути улучшения их положения. Существовавшие в тогдашней Англии законы о бедных представляли собой систему приходских вспомоществований, собираемых путем налога, пропорционального земельному доходу. Мальтус считал, что последствиями этих законов являются безответственное размножение, вырождение и леность. Они приучают народ жить в праздности и разврате, воспроизводят слой людей, считающих, что общество обязано их содержать, и не прилагающих никаких усилий для улучшения своего положения. То есть вместо того, чтобы уменьшить бедность, законы о бедных ее увеличивают. Некоторые преимущества частной благотворительности по сравнению с принудительно взимаемым на содержание бедных налогом Мальтус видит в возможности разборчиво и осмотрительно самим выбрать достойных бедняков, для которых нищета – не образ жизни, а результат неблагоприятного стечения обстоятельств. В то время как принудительно взимаемые налоги способны лишь вызвать раздражение, такая добровольная благотворительность сама по себе является наградой и возвышает душу как проявляющего ее, так и поддерживающего и утешающего. Общие возражения против "признания за бедными воображаемого права содержаться за общественный счет" также не должны прилагаться "...к тем случаям крайней нужды, которые произошли не вследствие беспечности или лени, а по какому-либо неблагоприятному стечению обстоятельств. Если человек переломит руку или ногу, то мы обязаны немедленно помочь ему, а не наводить справки о том, заслуживает ли он нашей помощи. Это совершенно согласуется с требованиями общей пользы. Подавая в подобных случаях без разбора нашу великодушную помощь, мы можем не предаваться опасениям, что наш поступок поощрит людей ломать себе руки с целью воспользоваться помощью" [2]. Мальтус отмечает, что предотвратить массовую бедность можно только нравственным воспитанием населения, развитием

независимости, чувства собственного достоинства, привычки к довольству и обладанию собственностью. В связи с этим он особо подчеркивает необходимость введения системы общего образования, представляющего собой общественное благо, "которым может пользоваться каждый, не только не причиняя этим вреда другим, но, наоборот, доставляя им пользу" [3].

Еще более четки и лаконичны высказывания другого представителя классической политэкономии Д. Рикардо: законы о бедных "... ведут не к улучшению положения бедных, что имели в виду благодушные законодатели, а к ухудшению положения и богатых и бедных. Вместо того, чтобы сделать бедных богатыми, они как бы рассчитаны на то, чтобы сделать богатых бедными" [4]. Он также выступает как против возможного увеличения фонда для содержания бедных, так и его централизации в масштабе всей страны. Поскольку "каждый приход собирает отдельный фонд на содержание своих собственных бедных, люди более заинтересованы в том, чтобы держать местные сборы на бедных на низком уровне, и это более осуществимо, чем если бы собирался один общий фонд для помощи бедным всего королевства ... приход гораздо более заинтересован в экономном взимании налога и в бережливом распределении пособий, когда вся экономия пойдет в его собственную пользу, чем если сотни других приходов будут участвовать в ней" [5]; в противном случае, считает Рикардо, следует ожидать невыносимого роста налогов и поглощения всего чистого дохода страны. Во второй половине XX в. его мнение о неэффективности организованной в масштабе государства помощи бедным получило дополнительное подтверждение со стороны американского экономиста А. Окуня: "Учитывая предпочтение обществом равенства (или по крайней мере равенства в большей степени, чем обеспечивает рыночное распределение доходов), а также издержки отклонений от определяемого рынком распределения, общество сталкивается с дилеммой: равенство или эффективность. Оптимальным результатом, как правило, является компромисс" [6]. Окунь сравнивает дорогостоящие мероприятия по сбору налогов и самому осуществлению трансфертных программ с перенесением денег от богатых бедным в дырявом ведре.

Представители маржинализма приоритет отдавали как раз рыночному распределению доходов, стремились снять вопрос о несправедливости распределения и эксплуатации труда при капитализме, отмечаемой писателями социалистического направления. В наиболее концентрированном виде это находит отражение в теории предельной производительности Дж. Б. Кларка, согласно которой вознаграждение каждого фактора производства определяется величиной его предельного продукта. В теории Кларка общество прекрасно устроено, "рабочим незачем стремиться к социальной революции". Очевидно, эти выводы

ставят под сомнение провозглашенную маржиналистами в противоположность Марксу классовую незаинтересованность своих исследований и демонстрируют декларативность "идеологической нейтральности анализа". Как отмечает Б. Селигмен, "...Маркс стремился показать, что механизм распределения характеризуется эксплуатацией; отрицая это, Кларк пытался показать, что распределение является справедливым. Его теориям и законам можно предъявить те же обвинения, что и Марксу: они содержат чистые понятия, истинность которых невозможно проверить и которые представляют собой в основном идеологические построения" [7].

Однако с течением времени и в русле неоклассической теории проявляется "общественный энтузиазм, который восстает против убожества грязных улиц и безрадостности загубленных жизней". Цитируемые слова принадлежат А. Пигу, который первым вводит понятие "национального минимума реального дохода", выясняет набор благ и услуг, входящих в его состав, а также факторов, его определяющих его размеры. Этот минимум "включает определенные количественные и качественные требования к жилищным удобствам, медицинскому обслуживанию, образованию, питанию, досугу, санитарной службе, охране труда и т.п." [8]. Пигу выступает за более равномерное распределение дохода между членами общества. По его мнению, оно будет способствовать повышению общественного благосостояния и развитию производства. Поскольку доход подвержен действию закона убывающей полезности, в результате такого перераспределения сумма удовлетворения бедных слоев возрастет больше, чем уменьшится сумма удовлетворения богатых. Поэтому Пигу был сторонником прогрессивного налогообложения по принципу "наименьшей совокупной жертвы". Предлагаемое им перераспределение доходов может также осуществляться с помощью льготных цен, налога на наследство, поощрения благотворительности, направления средств на различные формы обучения. Реализацию более равномерного распределения дохода в целях роста благосостояния всего общества должно взять на себя государство.

В 30-х гг. XX в. английские экономисты Дж. Хикс и Н. Кадор, развивая концепцию "оптимума Парето", предложили два близких варианта компенсационного критерия: при изменениях в экономике "оптимум Парето" соблюдается не непосредственно, а в результате того, что выигравшие от изменения часть своего выигрыша отдают в компенсацию проигравшим, так что в конечном счете положение последних не ухудшается. Таким образом, "оптимум Парето" достигается с помощью проведения политики перераспределения доходов через налоги и субсидии.

Кейнсианство доказало необходимость активного вмешательства в экономику государства, усилило перераспределительные функции

последнего. Великая депрессия 1929 – 1933 гг. оказалась тяжелейшим потрясением для американской экономики. В 1933 г., по различным данным, в США было от 13 до 17 млн. безработных, как минимум 25 % от общего числа трудоспособного населения. В тот же год только в Нью-Йорке от голодной смерти умерли 2 тыс. человек. Самая богатая страна мира подошла к такой черте, за которой последствия могли быть непредсказуемыми. Ф.Д. Рузвельт в своей инаугурационной речи в марте 1933 г. констатировал без всяких иллюзий: "Если я окажусь плохим президентом, вероятно, я буду последним президентом" [9].

"Новый курс" Рузвельта знаменовал действительно новые вехи в социальной политике. И в послевоенные десятилетия кейнсианство в той или иной мере определяло политику всех американских президентов от Г. Трумена до Дж. Картера. В этот период затраты на социальные нужды являлись наиболее динамичным компонентом государственных расходов страны. После объявления президентом Л. Джонсоном "войны бедности до ее полного уничтожения" интенсивно расширились программы помощи бедным. В период с 1960 по 1975 гг. суммы прямых денежных трансфертов и пособий малоимущим выросли более чем вдвое, ассигнования на социальное страхование – в 3,5 раза, средства на выделение бесплатного питания и медицинских услуг – в 4 раза. Как следствие, в 1976 г., когда суммарный объем средств, направляемых на реализацию социальных программ, достиг 18,7 % ВВП, доля бедных американцев снизилась до 10,5 % населения (в 1959 г. она составляла 23,2 %) [10]. Аналогичные меры осуществлялись и в других странах запада. Результатом этого явилось значительное сокращение имущественного неравенства на протяжении большей части XX в.: с начала 30-х гг. до середины 70-х доля национального богатства, принадлежавшая 1 % наиболее состоятельных семей, снизилась в США с 30 до 18 %, в Великобритании – с 60 до 29 %, во Франции – с 58 до 24 % [11].

Конечно, официально признаваемая бедность продолжает существовать, а в отдельные периоды даже увеличивается. И некоторые экономисты ответственность за это возлагают на саму войну с бедностью: "Повышая уровень жизни какой-то части бедных посредством увеличения уровня пособий и ослабления предъявляемых для их получения требований, правительственные социальные программы подавили в бедняках стимулы к улучшению своего экономического статуса, а в остальных людях – стремление избежать бедности. Это создало искаженную структуру стимулов, в которой инициатива по улучшению собственного положения наказуема и которая ограждает людей от последствий сделанного ими неправильного выбора" [12].

Теоретики "неоклассического возрождения" 70-80-х гг. реанимировали многие положения экономического либерализма,

выступили с требованиями резкого сокращения государственного вмешательства в экономику, снижения доли ВВП, перераспределяемой через госбюджет. Нобелевский лауреат М. Фридмен считает, что рамки правительственной деятельности следует жестко ограничить "установлением, оценкой и применением правил игры". Главное острие его критики направлено против социальных программ: ограничения верхнего предела квартплаты, установления гарантированных ставок заработной платы, любых видов контроля над ценами и зарплатой, помощи малоимущим, представителям национальных меньшинств и т.д. Освобождение государственного бюджета от финансирования социальных программ принесет двойную пользу: можно будет не только снизить налоги на богатых, но и заставить бедняков более активно искать работу, повысить производительность труда. Пособия по безработице, выдача продовольственных талонов, помощь беднейшим семьям своим результатом имеет нежелание бедняков работать "потому, что им платят, чтобы они не работали".

В 80-х гг. тэтчеризм и рейганомика реформировали социальные программы и налоговую систему. Решение уменьшить налоги и сократить трансферты продемонстрировало выбор общества в пользу терпимого отношения к неравенству. Результатом такой политики явилось увеличение доли в национальном богатстве 1 % американского населения до 24 % в 1981 г., к 1984 г. – до 30 %, к середине 90-х гг. – до 39 %, что вернуло ее к уровню начала XX в.

Однако в 90-х гг. вновь наблюдается увеличение расходов на субсидирование малоимущих. С 1992 по 1996 гг. они возросли с 290 до 420 млрд. долл. Данные пособия довели суммарные доходы 20 % наименее обеспеченных американцев до 5,2 % национального дохода, в то время как без их учета соответствующий показатель не превышал бы 0,9 %. Несмотря на это, имущественное неравенство сохраняет тенденцию к увеличению. Так, в 1989 – 1997 гг. доходы 1 % граждан США, составляющего самую богатую часть общества, росли в среднем на 10 % ежегодно. В тот же период доходы наименее обеспеченных 20 % росли не более, чем на 0,1 % в год [13]. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство – за последние два десятилетия в США устойчивый рост доходов прослеживался только у высокообразованных групп населения. Фрэнсис Фукуяма отмечает по этому поводу: "Существующие в настоящее время в соединенных штатах классовые различия объясняются главным образом разницей в полученном образовании; социальное неравенство возникает в результате неравного доступа к образованию, а необразованность становится вечным спутником граждан второго сорта" [14].

Неравенство, порождаемое неравным участием отдельных слоев населения в развертывании технологической революции, связанное с

неравенством интеллекта и знаний, гораздо труднее осудить с морально-этических позиций, чем ранее существовавшие его формы. Подобные процессы имеют место и в глобальном масштабе, где продолжает углубляться неравенство между развитыми странами и "третьим миром". Очевидно, эта тенденция будет сохраняться и в перспективе, и человечеству вновь и вновь придется искать рецепты для того, чтобы если не преодолеть неравенство, то хотя бы смягчить его наиболее острые проявления.

Литература

1. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. В 2 т. Т.2. М., 1993.
2. Там же.
3. Там же.
4. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики. В 2 т. Т. 1. М., 1991.
5. Там же.
6. Цитируется по кн.: С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. Экономика. М., 1993.
7. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.
8. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. В 2 т. Т. II.
9. Цитируется по: Великая депрессия // Литературная газета. 2.XII. 1998. № 48.
10. Иноземцев В. Глобализация и неравенство: что – причина, что – следствие? // Россия в глобальной политике. Т.1. № 1. Январь-март 2003.
11. Там же.
12. Цитируется по кн.: С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. Экономика. М., 1993.
13. Иноземцев В. Глобализация и неравенство: что – причина, что – следствие? // Россия в глобальной политике. Т. 1. №1. Январь-март 2003.
14. Там же.

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ФИСКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (ПОЛИТЭКОНОМИЯ БЮДЖЕТНЫХ ДЕФИЦИТОВ)

Чепикова Е.М., БГЭУ

Применительно к фискальной политике, 70-80-е годы показали опасность фискальных неравновесий в ряде стран, ведущую к быстрому накоплению общественного долга. Обсуждая политическую экономию фискальной политики, естественно задаться вопросом, какую следует выбрать стратегию для государственного поведения.

Неоклассическая теория фискальной политики (Р. Барро, Р. Лукас и Н. Стоки) указывает на важность достижения налогового сглаживания. Другими словами, наличие бюджетного дефицита допускается при временном возрастании государственных расходов (как, например, во